

пройти проверку совестью человека — если только он не отказывается подчиняться своей совести и не заглушает ее голоса.

От всех живых существ человек отличается более всего тем, что на протяжении своей индивидуальной жизни он постоянно реализует себя, не удовлетворяется ситуацией, и, не останавливаясь на достигнутом, что является одной из побудительных причин творческой деятельности. Именно поэтому призвание, назначение, задача каждого человека — всесторонне развивать все свои способности, внести свой личный вклад в историю, в прогресс общества, его культуры.

В этом и заключается смысл жизни отдельной личности, которые она реализует через общество, но в принципе таков же и смысл жизни общества, человечества в целом, который они реализуют, однако, в исторически неоднозначных формах.

Д. В. Пивоваров
Екатеринбург

ВЗАИМООТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИИ И ЭКОНОМИКИ В ОСНОВАНИИ КУЛЬТУРЫ

Идея двусторонней — религиозно-хозяйственной — клеточки основания культуры отвечает диалектической интуиции и позволяет избегать односторонности и противоречий, с которыми неизбежно связаны трактовки культуры ортодоксальными материалистами или объективными идеалистами. Картину строения культуры можно представить так: «твердое ядро» культуры включает в себя базовые религиозные и экономические идеалы; эти идеалы адаптированы друг к другу и образуют органический сплав.¹ Религия сакрализует фундаментальные экономические идеалы соответствующей ей культуры. В свою очередь, эти идеалы обуславливают выбор и модификацию основополагающих религиозных ценностей. Устойчивое материальное производство не может начаться, пока между людьми не возникает доверия и не будут освящены религией и церковью те ценности и идеалы, на которых покоятся семья, быт, разделение труда, присвоение совокупного продукта, социальные коммуникации.

А. Смит считал, что его учение о свободе и принципах экономического предпринимательства логически вытекает из Нагорной проповеди Иисуса Христа о любви к ближнему. Ф. Энгельсом подробно выяснено сходство между первоначальным христианством и Интернационалом, христианским и социалистическим иде-

алами общества. М. Вебер оценивал религию как важнейший фактор развития экономики, социальных метаморфоз и генезиса определенного типа рациональности (китайского, индийского, западного и др.). Он обосновал тезис о решающей роли протестантизма в распространении «духа капитализма» — стремления к экономической активности, умножению капитала, бережливости, личной предприимчивости.² Особый дух пуританизма и аскетизма материализовался в экономических отношениях капитализма и консолидировал буржуазное общество правовой нормой священной частной собственности. Альтернативная норма — святости государственной формы собственности — тесно сопряжена с социалистическими производственными отношениями. Челночную смену святых ценностей капитализма и социализма в истории человечества С. А. Нефедов довольно убедительно объясняет коренным изменением демографического давления в обществе; по его мнению, в результате Сжатия или демографического кризиса частнособственные общества обычно трансформируются в социальные монархии.³

Суждение о мощных взаимовлияниях религии и экономики развито С. Н. Булгаковым: «Хозяйство есть творческая деятельность человека над природой; обладая силами природы, он творит из них, что хочет. Он создает как бы свой новый мир, он творит культуру. <...> В хозяйстве творится культура, вся она имеет хозяйственную подоснову, в этом прав экономический материализм. Он неправ в своем истолковании этой мысли, в которое он в качестве единственно возможной философии экономизма подставляет механистический материализм...». ⁴ Булгаков убедительно обосновал идею консубстанциальности хозяйственного и религиозного творчества людей. Многие отечественные историки приходили к выводам, что антиномия индивидуализма и коллективизма своеобразно разрешалась в практике православной соборности, а хозяйственная мера гармоничного сочетания обоих начал веками складывалась в форме русской крестьянской общины.

Характер принимаемой обществом религии, особенно духовных принципов совместной деятельности, существенно зависит от обстоятельств материальной жизни, демографического давления, умения хозяйствовать, природных условий и пр. Возможно, в момент зарождения той или иной отдельной культуры нет фатальной необходимости именно в такой, а не иной первичной взаимосвязи специфической религии и экономики. Не исключено, что случай играет на этом этапе заметную роль, по-своему детерминируя процесс их сплетения и взаимопроникновения. Например, немало внешнего

и привходящего было в выборе князя Владимира-Крестителя именно православия, а не иудаизма, католицизма или ислама. К тому же культура Византии, религия которой была заимствована Киевской Русью, по мнению некоторых знатоков, уже находилась на излете. Пересаженное на почву русского хозяйствования православие возродилось, трансформировалось и во многом предопределило особенности будущего русского (а не просто славянского) национального характера. Идеал хозяйственной общины и идеал религиозной ортодоксальной соборности взаимоопределили друг друга. Вовсе не случайно формула С. С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность» многими воспринималась как кредо русской православной культуры. Разумеется, суть дохристианской Руси и культуры славян-русичей под эту формулу не подходит. Из религиозно-экономического генотипа так или иначе произросли все основные политические и нравственные идеалы русской жизни, в том числе идеи всеединства, русского мессианства и Третьего Рима.

Изучая тип рациональности утвердившейся русской культуры, не следует упускать из внимания лингворелигиозные особенности русского православия. Средневековое русское православие в борьбе с римской курией, признававшей «богодухновенными» только еврейский, греческий и латинский языки, отвоевало право на собственный культовый язык — древнецерковнославянский. Этот язык пользовался двумя системами письма, кириллицей и глаголицей, и сложился на основе перевода богослужебных книг с греческого языка на южномакедонский (солунский) диалект. Затем древнецерковнославянский язык продолжил свое литературное развитие в церковнославянском языке. Большинство русских мыслителей оценивали апостализацию болгарского языка как выражение любви Божией к русскому народу. Но некоторые философы (среди таковых особенно выделялись Г. П. Федотов, Г. Г. Шпет и др.), напротив, доказывали, что принятие слабо развитого болгарского языка в качестве русского богослужебного языка сыграло для России фатальную роль, поскольку в средние века болгарский народ, в отличие от греков и римлян, был лишен мощных культурных традиций, литературы и истории. По их мнению, отечественная культура многократно выиграла бы, усваивая христианство не на славянском, а на греческом языке.⁵ Спор на эту тему далеко не окончен.

Чем активнее развивается взаимодействие признанной народом религии на хозяйственную жизнь, а последней — на первую, тем более необходимым и органичным становится их сплавленное со-

существование. Единство же религиозной и экономической сторон геотипа культуры диалектически противоречиво, непременно сопряжено с их различиями и может привести к конфликтам между надстроечными компонентами культуры. Эволюция религиозной и экономической граней культуры исторически неравномерна, ускоренное развитие одной из граней наталкивается на консервирующую реакцию другой.

Так, православие в течение нескольких веков после крещения Руси в 988 г. преобразовало хозяйственную жизнь и быт славянского этноса, активно помогало становлению могучего Русского государства. Вначале в христианизированной русской культуре лидировал именно религиозный элемент. Однако позже этот элемент становился все более консервативным, превращался из двигателя экономического прогресса в его тормоз. Реформы Никона откололи от русского православия старообрядческую Россию. Петр I воспрепятствовал избранию нового патриарха, назначил главой Священного Синода светского чиновника. Политика унижения Церкви продолжалась и позже. После 1917 г. «религия советизма»⁶ с ее культами пролетарского вождя и Коммунистической партии способствовала, подобно раннему православию, созданию новой мощной культуры, а именно социалистической экономики и, соответственно, советской культуры. Вера большинства советского народа в коммунизм поначалу буквально «сдвигала горы». В «эпоху застоя» социалистическая экономика впала в глубокий кризис, а ортодоксальные догматы социоцентрической «религии советизма» никак не позволяли из него выйти. Экономические и политические реформы Н. С. Хрущева, А. Н. Косыгина и М. С. Горбачева успеха не принесли, и советская культура в конечном счете рухнула.

Какой станет новая, «постсоветская», культура? Способно ли православие вернуть себе прежнюю духовную власть в нашем обществе, где уже исчезло общинное хозяйство и нет той экономической формы, в которой оно процветало и составляло славу России? С одной стороны, нынешнее политическое руководство страны ориентируется на возрождение РПЦ. С другой стороны, наше законодательство взяло курс на капитализм западноевропейского типа и, таким образом, вольно или невольно ориентируется на протестантское мироотношение. Не потому ли в Россию сразу же устремились западные миссионеры-протестанты и в пессимистические тона окрасились проповеди и публикации православных священников и богословов?

Обстоятельства возвращения православия к духовному лидерству ухудшены последствиями политики И. В. Сталина и Н. С.

Хрущева, по существу уничтожившей массового носителя православного духа — общинного крестьянина. Советский колхоз опирался на принцип коллективного подчинения государственным чиновникам, но не на принцип соборности, дававший известный простор индивидуальной предприимчивости. «Религия советизма», подавив государственное православие и подчинив себе руководителей РПЦ, много позаимствовала из внешней православной атрибутики, но, понятно, отказалась от духа истинного православия. Привычная для русского человека атрибутика превратилась в языческую оболочку духа преклонения перед идолом пролетарского вождя и воздвигания идеала коммунистического (уравнительного) рая на земле. Немало времени пройдет, пока исчезнут пережитки рабства народа перед «кремлевскими долгожителями».

Сумеет ли православная религия все-таки вписаться в нынешнюю экономическую жизнь России и воссоздать в ней, по закону отрицания отрицания, нечто в роде «неоправославной культуры»? Готово ли православие к таким внутренним реформам, которые не изменят его существа и позволят ему не только адаптироваться к уже сложившейся экономической реальности, но и духовно преобразить ее? А если не православие, то что взамен, и не натолкнется ли это «взамен», как на стену, на быт и характер русского человека, которые тысячу лет воздвигались Русской Церковью и стали его натурой? Это очень трудные вопросы, и на них пока нет ясных и окончательных ответов.

Культура начинается с быта — с обрядов, связанных с рождением и похоронами человека, с обхождением друг с другом — и лишь потом венчается кроной изящных искусств и наук. Даже если какой-либо русский человек осознанно не исповедует религию своих предков, он с удивлением может обнаружить в себе черты бытового православия, когда вдруг окажется в инокультурной среде. Насколько вообще глубоко и быстро возможна переделка православной природы народа, проживающего на одной шестой суши Земли, на натуру, скажем, протестантскую, католическую и тем более индуистскую или буддийскую? Сколь бы ни тяжелыми предстоят роды новой (пока неизвестной) культуры в России, однако лучше рожать все-таки «по традиции».

Итак, через активное взаимоизменение и обратные связи религия и экономика оборачиваются двумя неразъемлемыми сторонами единой субстанции культуры. Поэтому, по-видимому, наиболее правдоподобна *религиозно-хозяйственная модель* роли религии в культуре. Марксистски образованному читателю не нужно много доказывать, что экономика фундирует культуру. Тут достаточно

вспомнить предельно ясное утверждение К. Маркса о том, что прежде чем заниматься философией или искусством, людям надо есть, пить, одеваться и иметь жилище.

Большинство людей менее всего живут искусством или наукой, а прежде думают о хлебе насущном. Вопреки распространившейся моде подменять преподавание истории культуры историей литературы и искусства, культура все-таки стоит на идеалах хозяйствования, освященных религией. Так что в первую очередь научное культуроведение должно освещать религиозно-экономическое ядро наиболее значимых культур и цивилизаций.

1. См. *Пивоваров Д. В.* Философия религии. Раздел II, гл. 3. М., 2006.

2. См.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Избр. произведения. М., 1990.

3. См.: *Нефедов С. А.* О законах истории // Регион-Урал. 1998. № 11. С. 43–48.

4. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М., 1990. С. 110, 257.

5. См.: *Безлепкин Н. И.* Философия языка в России. К истории русской лингвофилософии. СПб., 2002. С. 7

6. Этот термин введен проф. В. Д. Жукоцким. См: *Жукоцкий В. Д.* Маркс и Россия в религиозном измерении. Опыт историко-философской реконструкции смысла. Нижневартовск, 2000.

И. Р. Подрубиллина
Пермь

«ПОЭТИЧЕСКОЕ» КАК ОСНОВА ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Как встали гости из-за стола, заиграла музыка, начались танцы. Пошла Василиса Премудрая танцевать с Иваном Царевичем. Махнула левым рукавом — стало озеро, махнула правым — поплыли по озеру белые лебеди. Царь и все гости диву дались! А как перестала она танцевать, все исчезло: и озеро, и белые лебеди...

(*Русская народная сказка*).

Поэтика танца каждого народа скрывает в себе множество сакральных и этнокультурных символов, а также смыслов общечеловеческих, понятных любому народу.

Танец неразрывно связан с жизнью народа, с его культурным развитием, он впитал в себя накопленный веками художественный опыт многих поколений, созданные ими нравственные и эстетические ценности. В песнях, плясках, сказках народ воплощал свои идеалы, свои представления о прекрасном, рассказывал о человеке